

голову. Если же моя дама прекраснее твоей, тогда я должен буду отсечь моим мечом голову твоей даме. И если я одолею тебя, значит, быть твоей даме моею, ты же лишишься головы.

– Сэр, – отвечал сэр Тристрам, – это безобразный обычай и ужасный, и, чем лишиться головы моей даме, пусть лучше отсекут голову мне.

– Ну нет! – сказал сэр Брюнор. – Дамы предстанут вместе на суд первыми, и одна из них получит, что ей причитается.

– Нет, я не согласен, – отвечал сэр Тристрам, – ибо здесь нет никого, кто мог бы судить по справедливости. Я-то знаю, – сказал сэр Тристрам, – что моя дама прекраснее твоей, и готов доказать это в честном бою. А кто не поверит, пусть рискнет своей головой!

И с тем сэр Тристрам вывел вперед Прекрасную Изольду и трижды обошел с нею по кругу, держа в руке обнаженный меч. Так же и сэр Брюнор обошел трижды со своей дамой. Но когда сэр Брюнор увидел Прекрасную Изольду, он понял, что никогда в жизни не встречал он дамы прекраснее, и подумалось ему, что не иначе как быть его даме без головы. И все, кто там присутствовали, высказали суждение, что из двух дам Прекрасная Изольда лицом красивее и станом стройнее.

– Ну так как же? – говорит сэр Тристрам. – Мне жаль, что этой даме предстоит лишиться головы. Но за то, что ты и она завели этот злой обычай, за то, что по вашей с нею вине погибло много добрых рыцарей и прекрасных дам, – из-за этого всего невелика будет потеря убить вас обоих.

– Да поможет мне Бог, – сказал сэр Брюнор. – Ибо, правду сказать, твоя дама прекраснее моей, хоть мне и обидно это признавать, но я слышу, что и народ весь потихоньку так говорит, ибо изо всех женщин, мне известных, ни одна не была столь хороша. И потому, если ты убьешь мою даму, тем лучше: я, без сомнения, убью тебя и твою даму возьму себе.

– Ну, ее придется тебе сначала у меня отвоевать, – отвечал сэр Тристрам. – И достанется она тебе, поверь, недешево. А за этот твой суд, что угрожал моей даме, окажись она из двух безобразнее, и за злой ваш обычай отдавай-ка сюда твою даму, – сказал сэр Тристрам.

И с тем сэр Тристрам шагнул к нему, взял его даму и одним косым ударом отсек ей голову прочь.

– Ну что ж, рыцарь, – говорит сэр Брюнор, – этим ты причинил мне страшное оскорбление. Теперь садись на коня, и раз уж я остался без дамы, я отвоюю даму у тебя, если смогу.

26

Вот сели они на коней, сшиблись с разгону, точно бы гром грянул, и сэр Тристрам сбросил сэра Брюнора долой с коня. Но тот быстро вскочил на ноги и, как раз когда сэр Тристрам снова на него наехал, пронзил сбоку его коня насквозь у плеча; конь пошатнулся, споткнулся и рухнул наземь мертвый. А сэр Брюнор бросился вперед, чтобы убить повергнутого сэра Тристрама, но сэр Тристрам был скор и резв и успел высвободить ноги из стремян. И все же, прежде чем сэр Тристрам успел загородиться щитом и обнажить меч, сэр Брюнор нанес ему три или четыре удара. Потом ринулись они друг на друга, словно два вепря, то отступая, то наседая со всей мощью и с тонким искусством, и рубились, как два настоящих рыцаря-богатыря, ибо этот сэр Брюнор был боец многоопытный и погубил уже к тому времени немало добрых рыцарей, так что сожаления было достойно, что он так зажился на этом свете. Так бились они, наступая то отсюда, то оттуда, без малого два часа, и оба уже были жестоко изранены. Но под конец сэр Брюнор набежал на сэра Тристрама и схватил его в свои объятия, ибо он очень полагался на свою силу. А на самом деле в те времена сильнейшим из рыцарей был сэр Тристрам, ибо всем известно было, что мощью мышц он превосходил даже сэра Ланселота, хотя у сэра Ланселота зато было мощнее дыхание. И потому сэр Тристрам взял и отшвырнул сэра Брюнора прочь, тот упал ничком, и тогда сэр Тристрам распутал завязки его шлема и отрубил ему голову.

Тут все, кто принадлежали к тому замку, приблизились к нему и поклонились, признавая его своим властелином, и просили пожить немного в их замке, чтобы искоренить тот мерзкий обычай. И сэр Тристрам согласился. А между тем один из рыцарей поскакал к сэру Галахальту, Высокородному Принцу, который был сыном сэра Брюнора и доблестным рыцарем, и поведал ему о плачевной судьбе, постигшей отца его я его мать.